

С. В. БУРМИСТРОВА

ЭПОХА ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

На материале лирики
новомученицы Татианы Гримблит¹

УДК 82.09

Аннотация

В статье анализируется малоизученный компонент отечественной культуры — религиозно-философская лирика первой трети XX в., в частности поэтическое творчество новомученицы Татианы Гримблит. Литературное наследие Т. Н. Гримблит составляет несколько десятков стихотворений, созданных в 1920–30-е гг. Их концептуальное содержание выдержано в едином христианском дискурсе и включает две постоянные темы. Одна из них связана с изображением жизни души лирической героини, другая — выражает авторскую рефлексию о новой исторической эпохе, наступившей в результате революционного переворота. Ведущими мотивами в лирическом тексте Т. Гримблит выступают мотивы духовного выбора, земного пути как движения к вечности, крестопрохождения, противостояния человека обезбоженному миру, внутренней борьбы, одиночества и др. Большое значение для автора имеет также тема литературного творчества, которое осмысливается как дар от Бога. Молитва и поэтическое творчество помогают героине сохранить внутреннюю свободу в ситуации противостояния советской действительности. Изображение духовной и социальной реальности определяет специфику хронопической

¹ Статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного на Покровской конференции в МДА 18 октября 2017 г. на секции: «Поместный собор 1917 г. и новомученики Церкви Русской».

системы, атрибутом которой становится принцип амбивалентности. Художественная образность в стихотворениях Т. Гримблит восходит к библейскому контексту, а также обнаруживает влияние фольклорной традиции.

Ключевые слова: религиозно-философская лирика, православная аксиология, эпоха гонений, библейский дискурс, мотив, исповедальность, лирическая героиня, картина мира, художественное пространство, амбивалентность, фольклорная традиция, натурфилософия.

В настоящее время в рамках академической науки складывается фундаментальное направление — религиозное литературоведение, сосредоточенное на исследовании взаимодействия православной традиции с художественным дискурсом. Методология и понятийный аппарат данного направления, как и само его наименование (в качестве синонимических используются также термины «религиозная филология», «богословско-догматический вектор», «конфессиональный (православный) подход»), вызывает оживленную дискуссию в филологических кругах². Не вдаваясь в ее подробности, отметим, что основной пункт, вызывающий критику, связан с принципами объективности и научности, в которых отказываются религиозной филологии и на этом основании рассматривают ее вне рамок научного литературоведения, относя к области нравственно-философской критики. Действительно, позиция отдельных исследователей, ставящих своей целью выяснение степени воцерковленности автора и вынесения соответствующего вердикта, представляется малопродуктивной, а их наблюдения — оценочно-субъективными.

Однако религиозная филология неоднородна, и ученых, разрабатывающих «богословско-догматический» подход и отождествляющих его с литературоведческим анализом, немного. Собственно, филологический анализ религиозных основ русской литературы, который может выражаться в рамках этноконфессиональной, а также номолого-аксиологической стратегии, имеет целью выявить адекватные тексту и художественному сознанию автора смыслы. Научное религиозное направление

² Более подробно об этом см.: Зырянов 2014.

ориентируется на исследовательский инструментарий и категориальный аппарат традиционного литературоведения, одновременно обогащая его методологию опытом богословской герменевтики. Иными словами, продуктивность данного подхода видится в его междисциплинарном характере, позволяющем наряду с классическими принципами литературоведческого анализа использовать те материалы, которые дает практика критико-богословской интерпретации: определение авторской системы ценностей, выявление связей художественного текста с текстом Священного Писания, изучение этноконфессиональных факторов, влияющих на поэтику произведения и т. д.

Несмотря на *“pro”* и *“contra”* в восприятии религиозной филологии, она интенсивно развивается и приобретает фундаментальный статус. Большой вклад в становление «религиозного литературоведения» внесли исследования М. Дунаева³, А. Панченко⁴, В. Котельникова⁵, В. Воропаева⁶, И. Есаулова⁷, П. Бухаркина⁸, В. Захарова⁹, В. Аношкиной-Касаткиной¹⁰ и др. Одновременно с разработкой методологической базы *“philologia sacra”* значительно расширяется и диапазон объекта исследования. В научный оборот вводятся тексты, которые по разным причинам не попадали в поле зрения ученых. В частности, из архивных источников извлекаются материалы (лирика, проза, дневники, мемуары, письма), исследование которых может существенно скорректировать традиционное представление о литературном процессе 1920–30-х гг. Корпус этих текстов, создававшихся преимущественно в условиях ссылки и лагерей,

³ Дунаев 1997–2000.

⁴ Панченко 2000.

⁵ Котельников 1994.

⁶ Воропаев 2014.

⁷ Есаулов 1995.

⁸ Бухаркин 1996.

⁹ Захаров 1994. С. 249–261.

¹⁰ Аношкина-Касаткина 2011.

раскрывает новые грани русской литературы и позволяет обозначить новую тему в литературоведении: художественное и публицистическое творчество мучеников и исповедников XX столетия.

В настоящее время данный материал освещается преимущественно в двух регистрах: публицистическом и научном. Собственно, филологические научные стратегии связаны с осмыслением обретенных произведений в литературном процессе первой половины XX в., в том числе в контексте региональной словесности. Однако малодоступность материала препятствует интенсивному процессу его научного описания. В течение последнего десятилетия было опубликовано не более десятка исследовательских работ, а также вышло несколько художественных изданий, познакомивших читателей с именами новых авторов. В небольшой антологии «Поэзия русских святых»¹¹ собраны стихотворения священномучеников Аркадия Гаряева, Владимира Лозина-Лозинского, Илии Громогласова, Павла Брянцева, Александра Хотовицкого, Николая Кобранова, мученицы Татианы Гримблит и др. Более развернуто представлено творчество новомученицы Татианы Гримблит. Ее поэзия издавалась отдельными сборниками¹² в 2008, 2013 и 2017 г.

Немногочисленность специальных исследований, сосредоточенных на анализе поэтики религиозного художественного дискурса 1920–30-х гг., не позволяет составить полное представление о его масштабе и значимости. Отдельные статьи¹³, появившиеся в последнее десятилетие и посвященные аспекту изучению творчества святых XX в., несомненно, вносят вклад в разработку данной темы и подчеркивают ее актуальность, но не снимают проблематичности ситуации. Более или менее полноценно в современном литературоведении представлено художественное и публицистическое наследие Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (в монашестве —

¹¹ Максимов Г., диак. 2012.

¹² Гримблит Т., мц. 2008; Гримблит Т., мц. 2013; Гримблит Т., мц. 2017; «Я решила идти за Тобой!» 2017.

¹³ См. об этом: Ничипоров 2016. С. 83–86; Ничипоров 2015. С. 160–163.

матери Марии). Его рецептивная парадигма начала формироваться в критике и мемуаристике первой половины XX в., а в настоящее время творчество матери Марии является объектом литературоведческого изучения¹⁴. Научный интерес к произведениям Е. Ю. Кузьминой-Караваевой объясняется уникальностью ее судьбы: многообещающая поэтесса, чье имя современники ставили в один ряд с именем М. Цветаевой, избрала путь жертвенного служения ближним. Концепт духовной любви и самопожертвования является определяющим не только в произведениях Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, но охватывает большую часть художественно-публицистического дискурса мучеников и исповедников XX в.

Любовь к Богу и к ближним характеризует также поэтическую картину мира и систему ценностей новомученицы Татианы Гримблит. В отличие от Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, Т. Н. Гримблит не была профессиональной поэтессой, а свои стихи она не предназначала для публикации. Ее судьба не пересекалась с такими гениями Серебряного века, как А. Блок, С. Городецкий, В. Иванов и другие, однако соприкоснулась с трагическими судьбами тех, чьи имена войдут в православные святцы. Большая часть ее жизни прошла вдали от столиц, в небольших провинциальных городах. Т. Гримблит родилась в 1903 г. в Томске, в семье, тесно связанной с православной культурой. Ее дед — протоиерей Антонин Мисюрев — принадлежал к племени наиболее образованных и духовно опытных священников Томска. Он преподавал богословские дисциплины в Томской семинарии, был законоучителем в мужских и женских гимназиях. Именно общение с дедом способствовало утверждению Татьяны в православии, помогло постичь глубину и красоту христианской веры, во имя которой она претерпела тюремные заключения, ссылки и мученическую кончину в годы советских гонений на Церковь. 23 сентября 1937 г. Т. Гримблит была расстреляна за «антисоветскую агитацию и вредительство» на Бутовском полигоне. Под «антисоветской агитацией» тройка НКВД, как отмечено в материалах дела, подразумевала «внедрение религиозных

¹⁴ Юрьева 2004.

чувств среди стационарных больных»¹⁵ в период ее работы медсестрой; а под «вредительством» — ту помощь, которую она оказывала заключенным за счет своих скромных денежных средств. 17 июля 2002 г. постановлением Священного Синода Татиана Гримблит причислена к сонму новомучеников и исповедников Российских.

Религиозно-этическая картина мира Т. Гримблит нашла воплощение не только в подвиге ее жертвенного служения людям и мученической кончине, но и в поэтическом творчестве, которое можно рассматривать как своего рода автокомментарий к ее жизни. Художественное наследие Т. Гримблит невелико и составляет две рукописные тетради, которые содержат несколько десятков стихотворных произведений, написанных в 1920—30-е годы. Несмотря на бессюжетность большинства лирических текстов Т. Гримблит, они выстраиваются в определенный сюжет, раскрывающий основные вехи духовного пути героини и отражающий облик эпохи.

По содержанию и поэтической образности стихотворения Т. Гримблит относятся к религиозно-философской лирике, в центре которой такие категории, как Бог, человек, душа, природа и др. Специфика духовной поэзии заключается прежде всего в предельной близости лирического субъекта и автора, возникающей благодаря общности их мировоззренческих позиций, душевного состояния. В этой связи важными признаками религиозно-философской лирики становятся автобиографичность и исповедальность. В духовно-исповедальной поэзии автор выражает тончайшие движения собственной души, запечатлевает процесс самопознания и богопознания. Нередко свои внутренние переживания Т. Гримблит передает в форме стихотворной молитвы, где граница между героиней и автором становится почти невидимой, а искренность и энергия слов, обращенных к Богу или к собственной душе, уже не позволяют воспринимать их только с точки зрения эстетической выразительности. Такую

¹⁵ Более подробно см. об этом: Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 4. Л. 12—20; Ф. 209. Оп. 1. Д. 1032. Л. 1-а-1-к; л. 8—13 об. (ЦА ФСБ России. Д. Р-1086).

лирику можно рассматривать как дневник, запечатлевший историю души поэта. Важно подчеркнуть, что это именно история, развернувшаяся во времени и характеризующаяся развитием.

Авторская рефлексия в поэзии Т. Гримблит включает две постоянные темы. Одна из них связана с изображением внутреннего состояния лирической героини, представленного в динамике развития ее духовного опыта. Другая тема определяется стремлением осмыслить новую историческую эпоху, наступившую в результате революционного переворота. Эти темы существуют в неразрывном единстве прежде всего потому, что новая эпоха начинает активно вторгаться в индивидуальное пространство, требуя от личности духовно-нравственного и политического самоопределения. Кроме того, сам процесс художественного воссоздания исторических реалий всегда предполагает соотнесенность с субъективным, личным пространством, так как представлен с позиции индивидуально-авторского восприятия. Иными словами, изображенная в тексте социально-историческая реальность — это модель данной реальности, построенная в соответствии с авторским замыслом.

Так, в лирическом описании истории души героини и ее взаимоотношений с советской действительностью важную роль играет мотив выбора. В ранней и зрелой поэзии Т. Гримблит он получает разное воплощение. В стихотворениях юной поэтессы мотив выбора выражается главным образом в ситуации выбора жизненного пути. Стремление героини жить со Христом обусловило ее конфликт с внешним миром. В новых исторических условиях духовный выбор героини приобретает экзистенциальное значение и ставит ее в положение отвергнутых обществом, юродивых:

Мир не понял меня и над скорбью святой,
Что в своей затаила груди,
Посмеется шутя и, смеясь над Тобой,
Приготовит мне крест впереди...
Пусть осудят меня и не будет друзей,
Я с Тобою останусь одна, —

ЭПОХА ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Только будь неразлучен с душою моею,
Помоги выпить чашу до дна¹⁶.

Уже в ранних стихотворениях мотив личного пути соотносится с евангельскими образами узкого пути, тесных врат, ведущих к спасению. Героиня предчувствует грядущие страдания, боль и утраты, которые неизбежны для тех, кто следует за Христом:

Ложь, клевета благодарностью будут
Мне за любовь, за труды.
Пусть меня каждый и все позабудут —
Помни всегда только Ты¹⁷.

Твердое намерение следовать христианским путем, несмотря на тяжелые испытания, выражено и в стихотворении «У Креста»:

Мне не радость сулит эта жизнь на земле —
Я решила идти за Тобой,
И в награду за то, что служу Красоте,
Мир покроет меня клеветой.
Но во имя Твое все готова терпеть —
Пусть я только лишь горе найду.
За Тебя, мой Господь, я хочу умереть,
За Тебя на страданье пойду¹⁸.

Предстоящие испытания не пугают героиню, а наоборот, усиливают жажду духовного подвига и желание оставаться верной христианским идеалам. Так, в стихотворении «Желание» (1920) раскрываются главные

¹⁶ «У Креста», 1922 г. (Гримблит Т., мц., 2008. С. 89).

¹⁷ «Ложь, клевета благодарностью будут» (Там же. С. 78).

¹⁸ «У Креста», 1922 г. (Там же. С. 89).

духовные координаты картины мира героини: это категории «Бог» и «ближние»:

Мне большего счастья не надо —
Хочу только ближним служить,
Ночами ж Тебя, мой Спаситель,
От чистого сердца хвалить¹⁹.

Социально-историческая ситуация 1920—30-х гг. позволила Т. Гримблит осуществить сердечное желание. Ее работа фельдшером, лаборантом носила характер жертвенного служения ближним. Т. Гримблит стремилась не только облегчить физические страдания людей, но и оказать им духовную помощь, поэтому она, как это отмечено в материалах дела, «вела с больными беседы на религиозные темы», «слабым же больным <...> надевала на шею кресты»²⁰. В стихотворном наследии Т. Гримблит также сохранились тексты, изображающие героиню в образе сестры милосердия:

Амбулатория порой
Привет и радость подарит
Под белоснежной тишиной
Мне дело милое таит...
Великих дел мне не дано,
И не хочу я славы в них,
Храню желание одно —
Уменьшить силу мук людских:
Единой чашей напою,
Утру на лбу холодный пот

¹⁹ «Желание», 1920 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 83).

²⁰ Более подробно см. об этом: Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 4. Л. 12—20; Ф. 209. Оп. 1. Д. 1032. Л. 1-а-1-к, л. 8—13 об. (ЦА ФСБ России. Д. Р-1086).

И тихо искру уроню
Любви, что сердце мне так жжет²¹.

Безусловно, служение Богу и ближним осуществлялось в ситуации противостояния советской идеологии. Государственные органы неоднократно подвергали молодую девушку тюремным заключениям, ссылкам в лагерь. В лирике Т. Гримблит мотивы изгнания и отверженности соотносятся с образом «креста», который становится для героини едва ли не главной опорой, дающей ощущение бесстрашия и свободы даже перед лицом смерти:

Я с Богом смерти не боюсь
И как умею помолюсь,
К Кресту прижавши грудь²².

Отсутствие страха перед смертью является свидетельством внутренней свободы героини, которую она переживает, даже находясь в тюремном заключении или ссылке. Ощущение внутренней свободы рождается у нее благодаря духовному опыту отсечения собственной воли, опыту следования путем Господним. В данном отрывке обращает на себя внимание интересное воплощение образа нательного креста и его значение для героини. Нательный крест приобретает в ее восприятии масштаб голгофского распятия, что подчеркнуто действиями героини: она не прижимает его к своей груди, но сама смиренно припадает к нему.

Картина мира в лирике Т. Гримблит моделируется с помощью контрастных оппозиций, подчиненных изображению внешней (социум, природа) и внутренней (пространство души) реальности. С одной стороны, хронологическая система содержит приметы социального пространства, доминирующими атрибутами которого выступают образы стальных решеток, «железом обитых дверей», «гробовой доски», утонувшего в страстях

²¹ «Чаша воды», 1933 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 228).

²² «В пути», 1927 г. (Там же. С. 115).

столичного города. С другой стороны, обезбоженному социуму противопоставлены природное бытие и мир души лирической героини. Особенность поэтики пространства в лирике Т. Гримблит состоит в ее амбивалентности: и внешняя, и внутренняя реальности обнаруживают разнополюсные начала. Так, образ современного общества функционирует преимущественно в негативном модусе как мир скорби и несправедливости, безумия и абсурда. Однако в ретроспективном освещении социум получает иные характеристики. В воспоминаниях героини дореволюционное прошлое воссоздается через образы «тихого, любимого детства», сибирской тайги, «прозрачной» и «быстрой» реки Томи.

Насыщенность лирики природными топосами подчеркивает их значимость для автора. Художественная натурфилософия в поэзии Т. Гримблит выражает отношение к природе как к пространству гармонии, сотворенному Богом и несущему радость и благо человеку. Способность прозревать божественное начало в природе становится неотъемлемой частью личности героини и отождествляется с ее творческой одаренностью. Красоту природы героиня наблюдает, даже находясь в тюремной камере:

Упали решетки окна,
Не слышу я звона ключей —
И снова я в поле одна...
Журчит беззаботный ручей...
Мечты мои, сон золотой!
Как полны вы красок, огня!
Вас даже разлукою злой
Никто не отнял у меня.
Кукушки не слышно, молчит,
А сердце покоем полно —
Решетку шутя золотит
Луч солнца, забравшись в окно²³.

²³ «Мечта», 1932 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 172).

Природа оказывает оживотворяющее действие на героиню, давая ощущение свободы. В стихотворении «На воле» (1932) природа ассоциируется с пространством воли и радости, что подчеркивается контрастным сопоставлением с образом тюремной неволи:

Ну, встречай меня, лес! Я под сенью твоей
Насладиться свободой хочу.
Солнце, ярче сияй, приласкай горячей —
Я любовью за все заплачу...
Сердце жадно рвалось за свободой бежать —
Но холодная сталь на окне
Своей жестко рукой налагала опять
Гнет страдания на душу мне.
Наконец — распахнулась тюрьма предо мной,
И колючая проволока — прочь!
Не идет конвоир, не следит постовой,
И брожу по лесам день и ночь²⁴.

Натурфилософское содержание лирики Т. Гримблит обнаруживает близость фольклорной традиции. Так, природные стихии: лес, солнце, ветер, река и др. не только выполняют свое предназначение, но и в определенной степени персонифицируются, поскольку автор вводит интонацию обращения к ним лирической героини:

Скользнула, припала к земле,
Прижалась всей грудью моей:
Родная, будь матерью мне
И лаской твоею согрей²⁵.

²⁴ «На воле», 1932 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 186).

²⁵ «Мечта», 1932 г. (Там же. С. 172).

Ты, земля, меня жаром приветь,
Отдых дай на широкой груди²⁶.

Репрезентация и наименование отдельных природных образов у Т. Гримблит осуществляется также в соответствии с фольклорными канонами. Так, наиболее частой является словесная формула «мать сыра земля», месяц именуется «серебристым», облако видится героине «сказочным князем», а ветер — вестником, соединяющим с родиной. Ритмика некоторых стихотворениях приближена к народной песне:

Гой вы, поле, леса и цветы,
Дружно в пляску за ветром седым!
Порассейте вы думы мои
И потешьте приветом своим²⁷.

Амбивалентность природного хронотопа выражается в том, что сотворенный Богом природный мир неожиданно поворачивается своей разрушительной стороной. Однако подобная трансформация возникает только в том случае, если природные стихии выступают символами социальной действительности. Так, в стихотворении «Проснись» (1928) семантика неволи, злобы и безумия социального мира воплощается в образе пустыни:

Пустыню видела во сне:
Кругом песок лежал;
Горяч на солнечном огне,
Мне тело обжигал.
Хотелось лечь на миг один
На землю мать сыру,

²⁶ «Уральский лес», 1932 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 194).

²⁷ «Уральский лес» (Там же).

Но зной — пустыни властелин —
Вел низкую игру...
Сиянье северных огней
Причудилось мне вдруг,
Но нет, то солнце жжет сильнее,
Сдирая кожу с рук...²⁸

Однозначная идеальность отсутствует и в изображении духовной реальности. Так, в ранней лирике наряду с мотивами богопознания и жажды жертвенного подвига содержатся интонации сожаления героини об утраченной безмятежной юности, о возможном земном счастье, поэтому устремленность лирической героини к вечности изображается через динамику противоборствующих духовно-эмоциональных состояний: боли, вызванной отречением от земной части своей личности, и одновременно счастья, рожденного сознанием того, что через страдания она становится сопричастной Богу. Именно сораспятие со Христом, отречение от земных радостей, когда собственные «молодость, юность» предстают «в одежде терновой», осмысляются героиней как единственный для нее путь, ведущий ко спасению, к «неразлучности» с Богом, поэтому уже в ранних стихотворениях жизненный путь героини осмысляется как крестоношение, а в зрелой лирике данная семантика определяет весь ее образный строй.

В зрелом творчестве душа героини изображается как умудренная аскетическим опытом, способная прозревать миражность земных радостей и переживать подлинное счастье в богообщении. Молитвенное состояние души лирической героини позволяет ей смотреть на окружающий мир и на себя с позиции вечности, поэтому в лирике 1930-х гг. минувшая жизнь, преображенная памятью, не вносит противоречия во внутренний мир героини, но включается в поток вечности. Кроме того, возникающие в воспоминаниях героини картины детства,

²⁸ «Проснись», 1928 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 143).

родной сибирской природы, помогают ей преодолеть бесчеловечность настоящего:

Усни же спокойно тревожная дума —
Природы картина всегда дорога:
Средь бешеной жизни московского шума
Мне тихо смеется родная тайга²⁹.

В стихотворении «Двенадцать лет» (1933) изображаются основные вехи жизненного пути героини, где детство и юность представлены в контексте сакральной семантики богообщения и богооткровения. Кроме того, в этом произведении выражено предчувствие близкой смерти, поэтому вводится обобщенный взгляд на пройденный путь, подводятся его итоги. Двенадцать лет — это тот временной отрезок, который осмысливается как путь крестоношения, связанный с мотивами выбора, борьбы, тяжелых испытаний.

Тринадцатый год я дорогой иду —
Уж виден конец впереди,
И чудится детство в приятном бреду
И все пережитые дни...
Шестнадцати лет я молила тогда:
«О, Боже, меня избери
Возьми мои силы, пока молода,
Крестом за Тебя одари.
Пока еще чистое сердце мое
И мира не знает тревог —
Возьми и устроишь в нем Царство Твое,
Тогда не приступит порок».
Всегда припадала к Кресту Твоему,

²⁹ «Дорогая картина», 1930 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 159).

И Ты терпеливо внимал.
С семнадцати лет я узнала тюрьму,
Но волю Ты твердую дал.
В борьбе, в искушениях вся юность прошла,
Упреки и просьбы родных...
И много в те годы я слез пролила,
Но слов не забыла Твоих...
На ниве тюремной тринадцатый год
Тебе добровольно служу.
Как юность, и молодость пусть протечет:
К ногам Твоим их положу³⁰.

Духовное развитие лирической героини выражается также в появлении глубокого самоанализа. Внутренняя рефлексия обусловила трансформацию мотива выбора в зрелом творчестве. В стихотворениях 1930-х гг. для автора важно не столько обозначить свою жизненную позицию перед обществом, отстоять свое право следовать христианским заповедям, сколько самой внутренне утвердиться в состоянии непрерывного пребывания с Богом, поэтому в зрелой лирике мотив выбора реализуется не только как противостояние героини-христианки внешнему миру, но проецируется на пространство ее собственной души. При этом образный строй лирики все чаще осложняется символической семантикой. Так, в стихотворении «У Покрова» (1929), написанного в форме молитвы к Богородице, героиня утверждает, что, с одной стороны, уже сама сердечная мысль о Боге становится для нее защитой от злобы мира:

Знаешь все: как я сердцем на Бога взгляну —
Мир стоит предо мною стеной...³¹

³⁰ «Двенадцать лет», 1933 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 171).

³¹ «У Покрова», 1929 г. (Там же. С. 148).

В то же время героиня признается, что ее страшит не клевета, не насмешка, не разлука,

А сознание, что в сердце моем налита
Та же злоба, что в мире кипит...
О Святейшая мать, молись за меня
Волю Сына во мне утверди³².

Ряд произведений конца 1920-х — начала 30-х гг. по своей форме близки к жанру покаянной исповеди. В стихотворении «К Богу, к Богу сердце рвется...» (1927) содержится мотив смиренного признания человеческой немощи:

К Богу, к Богу сердце рвется,
И к Нему душа зовет,
Но не может, хоть и бьется,
Оборвать земли тенет.
Не могу рукою властной
С наболевшего плеча
Сбросить иго злобы страстной,
Лжи одежды совлеча³³.

Данный мотив сопрягается с контекстом апостольских посланий: *«Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Добро, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»³⁴.*

³² «У Покрова» (Гримблит Т., мц. 2008. С. 148).

³³ «К Богу, к Богу сердце рвется...», 1927 г. (Там же. С. 148).

³⁴ См. Рим. 7, 14–19.

Мотив стремления к Богу как единственному источнику спасения и любви всегда дополняется осознанием собственной греховности и недостойности стать сопричастной этой любви:

Помилуй мя, Боже, помилуй меня
И в сердце смиренье всели,
И будет небесного отблеск огня
светить в беспокойные дни.
Ведь мне пред Тобой грехов не считать —
Их больше, чем капель в реке,
А Ты, Милосердный, даешь омывать
Всю скверну в сердечной тоске...
И совесть не может жить в сердце моем:
В нем гордость притон завела, —
Тогда она свитым из правды жгутом
Всю душу мою обвила.
И кажется, крест я несу за Тебя —
Тщеславие песни поет.
Помилуй мя, Боже, помилуй меня,
Покрепче пусть жгут обовьет.
Как сердце забьется, застонет в крови,
Тоской бесконечной горит,
Не думай, что подвиг — страдания твои,
То совесть укором звучит³⁵.

Глубокий аскетический самоанализ представлен также в стихотворении «Обличение» (1932), в котором героиня воспитывает свою душу:

Берегись, мое сердце, и в корне глуши
Злую дерзость решать и судить.

³⁵ «Помилуй мя, Боже», 1932 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 175).

Или в этом ты видишь смирение души,
Иль дана тебе власть обвинить?..
Не смотри высоко, кротко путь совершай,
Осуди прежде страсти свои.
Перед Господом душу всегда очищай,
Непорочную совесть храни³⁶.

Напряженность внутренней борьбы героини, исключавшей возможность самооправдания и жалости к себе, представлены в стихотворении «Страдай» (1932):

Боже, всей душой моею
Я к Тебе стремлюсь,
Но молиться не умею,
И всегда борюсь.
Ложь змеєю подкольной
Жалит сердце, грудь,
И, страстями уязвленный,
Труден узкий путь...
Надо, чтоб страданье было
На пути моем,
Чтобы сердце потопило
Злые страсти в нем³⁷.

Сквозным началом в поэзии 1920—1930-х гг. выступает сопряженность ситуации выбора с мотивом одиночества героини в земном мире, которое причиняет ей боль и страдание. Следует отметить, что знак отверженности накладывается на образ героини не только в результате ее взаимодействия с социальным миром, но также возникает в момент

³⁶ «Обличение», 1932 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 180).

³⁷ «Страдай», 1932 г. (Там же. С. 181).

воспоминаний о родной семье, размышлений о собственной юности и своем творчестве. Так, в стихотворениях разных лет содержатся строки, раскрывающие переживания героини из-за возникших в ее отношениях с близкими ситуаций непонимания и даже вынужденного им противостояния:

Пусть мне помощи рука Близкими не дастся,
Но с Тобой и скорбь легка, Скрашено ненастье³⁸.

Но готова служить всей душою Тебе,
Пусть враги мне родные мои³⁹.

Стихотворение «Знай», оставшееся незавершенным, обрывается на строфе, в которой предельно заостряется ситуация тотального одиночества, неприютности героини в земном мире:

В скитальческой жизни, вдали ото всех,
Мой путь вызывает лишь злобу и смех.
Куда приклонюсь?
Родные давно осудили и прочь
Прогнали меня даже в темную ночь...⁴⁰.

В стихотворении «Жизнь моя» (1927) мотив одиночества героини подчеркивается введением в текст контрастных духовно-эмоциональных состояний: веселья, характеризующего «шумную» молодежь, и тоски молитвенного настроения, присущих героине и ставящих ее в положение «безумной», юродивой:

³⁸ «На пути моем...», 1921 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 87).

³⁹ «У Креста» (Там же).

⁴⁰ «Знай», 1937 г. (Там же. С. 283).

Часто к нам сходилася
Молодежь тогда,
Шумно веселилася —
Далеко нужда.
Но тоска глубокая
Душу жгла мою:
Мыслями далекая,
Слезы затаю.
Пела, улыбалася —
Сердце как в огне:
Выдать я боялася
Дорогое мне...
Молодежь-то шумная,
Весело как ей —
Только я, безумная,
Все с тоской моей.
Будто веселилася
В танцах, за игрой,
А в душе молилася:
«Боже, будь со мной»⁴¹.

Особую боль героине приносит непонимание, исходящее от матери, которая не приняла ее выбора. Так, в четверостишье 1919 г., она обращается к матери:

Отпусти ты дочь Татьяну,
Пусть свой путь идет.
Не тревожь на сердце рану —
Много муки ждет⁴².

⁴¹ «Жизнь моя», 1927 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 117–118).

⁴² «Отпусти ты дочь Татьяну...», 1919 г. (Там же. С. 87).

Действительно, в 1920-м году после окончания гимназии, когда настало время для самоопределения во взрослой жизни, Т. Гримблит выразила горячее желание построить свою жизненную траекторию в соответствии с христианскими идеалами деятельного служения людям. Однако ее мать, недавно потерявшая мужа и вдовшая, насколько стремительно разрушается традиционный жизненный уклад и нравственные ценности, желала для своей дочери иного, более безопасного поприща.

Отсутствие взаимопонимания с матерью не вытеснило тем не менее ее светлого образа из души лирической героини. В стихотворении «Жизнь моя» 1927 г. ретроспективно воссоздается детство и юность героини. При этом мирные детские годы вызывают в памяти прежде всего образ «кроткой» материнской улыбки:

Вспомню жизнь короткую,
Прожитую мной,
И улыбку кроткую
Матери родной.
Детство улыбается
Миром и теплом,
Сердце загорается
Радостным огнем⁴³.

В стихотворениях 1920-х гг. часто повторяется мотив надежды на дающую силы молитву ближних, в том числе матери:

Легче вдруг стало душе,
С сердца как камень свалился:
Верно, тогда за меня
Кто-нибудь Богу молился⁴⁴.

⁴³ «Жизнь моя» (Гримблит Т., мц. 2008. С. 87).

⁴⁴ «Легче вдруг стало душе», 1920 г. (Там же. С. 89).

В стихотворении 1922 г. «Колыбельная песнь» образ лирической героини трансформируется в образ матери, молитва которой бережет младенца от зла:

Пусть бы скорби всей земли
Собрались, тебя пугая,
Ты ж спокойно, крепко спи —
Я молюсь, тебя качая.
Как сквозь занавес окна
Свет луны не достигает,
Так тебя молитва та
От скорбей и бед спасает⁴⁵.

В лирике Т. Гримблит возможность героини противостоять «страшному миру», что означает для нее быть внутренне свободной, осмысливается как благодатный дар. Сопричастность Божественной благодати она ощущает в момент молитвы, а также в ситуации творческого акта, когда она создает стихи. Свои поэтические способности Т. Гримблит воспринимает как дар от Бога, а потому относится к нему как к завету, заключенному с Богом и налагающему ответственность за этот талант. Поэзия приобретает для Т. Гримблит значение сакрального служения.

В стихотворении 1920 г. «Вдохновенье» лирическая героиня призывает к себе «дорогое вдохновенье», ибо оно позволяет ей преобразить убогие «жизни дни». Творчество дает возможность излечить страдающую душу:

Хочется вылить тоску одинокую,
Петь без конца я хочу.
Выскажу слово нагое, глубокое —
Душу на миг излечу⁴⁶.

⁴⁵ «Колыбельная песнь», 1922 г. (Гримблит Т., мц. 2008. С. 91).

⁴⁶ «Вдохновенье», 1920 г. (Там же. С. 81).

В стихотворении «Пускай» этого же года автор подчеркивает исповедальный характер своего творчества:

Пусть будут забавою людям
Страданья и муки мои:
Я душу свою открываю —
Над ней посмеются они.
Тоску и молитву святую
В стихах я моих излила,
Мечты и желания сердца
И все, чем я только жила⁴⁷.

Несмотря на боль лирической героини, вызванную превратным отношением окружающих к ее литературному таланту, она твердо заявляет в заключительных строчках:

Поймут ли меня или буду
Напрасно я бисер метать?
Так пусть надо мною смеются —
Я все-таки буду писать⁴⁸.

В этой связи становится очевидным, что лирика Т. Гримблит характеризуется не только через категорию исповедальности. Поэтическое слово приобретает у нее приметы проповеднического слова, а авторская позиция в тексте совмещает функции исповеди и проповеди. С помощью поэзии, осмысленной как дар Божий, Т. Гримблит стремится служить Богу и ближним, принести в мир добро и красоту и тем самым противостоять антихристианской эпохе. Воплощенная в лирике Т. Гримблит философия творчества вписывается в традицию духовной словесности,

⁴⁷ «Пускай», 1920 г. (Гримблит Т., мц., 2008. С. 82).

⁴⁸ Там же.

специфику которой Н. В. Гоголь выразил в емкой формуле: искусство должно быть «незримой ступенью к Богу».

ИСТОЧНИКИ

- Гримблит Т., мц. 2008 — *Гримблит Т., мц.* Мне бы жизнь за Тебя положить. Стихотворения. Реутов, 2008. [*Grimblit T., martyr.* Мне by zhizn' za Tebia polozhit'. Stikhotvoreniia (I would have a life for You. Poems). Reutov, 2008.]
- Гримблит Т., мц. 2013 — *Гримблит Т., мц.* Мне бы жизнь за Тебя положить. Стихотворения / Под ред. игум. Дамаскина (Орловского), прот. М. Максимова. Томск, 2013. [*Grimblit T., martyr.* Мне by zhizn' za Tebia polozhit'. Stikhotvoreniia (I would lay my life down for You) / Pod redaktsiei igumena Damaskina (Orlovskogo), protoierei M. Maksimova. Tomsk, 2013.]
- Гримблит Т., мц. 2017 — *Гримблит Т., мц.* Мне бы жизнь за Тебя положить. Стихотворения / Под ред. игум. Дамаскина (Орловского), прот. М. Максимова. М., 2017. [*Grimblit T., martyr.* Мне by zhizn' za Tebia polozhit'. Stikhotvoreniia (Would that I could lay my life down for You. Poems) / Pod redaktsiei igumena Damaskina (Orlovskogo), protoiereia M. Maksimova. Moscow, 2017.]
- Максимов Г., диак. 2012 — Поэзия русских святых / Сост. диак. Г. Максимов. М., 2012. [*Poeziia russkikh sviatykh* (Poetry of Russian saints) / Sostavil diakon G. Maksimov. Moscow, 2012.]
- Я решила идти за Тобой! 2017 — Я решила идти за Тобой! Жизнеописание новомученицы Татианы Гримблит. К 80-летию со дня мученической кончины... М., 2017. [*Ia reshila idti za Tобоi! Zhizneopisanie novomuchenitsy Tatiаны Grimblit. K 80-letiiu so dnia muchenicheskoi konchiny...* (I decided to follow You! Biography of the new martyr Tatiana Grimblit. To the 80th anniversary of the martyr's death...). Moscow, 2017.]

ЛИТЕРАТУРА

- Аношкина-Касаткина 2011 — *Аношкина-Касаткина В. Н.* Православные основы русской литературы XIX в. М., 2011. [*Anoshkina-Kasatkina V. N.* Pravoslavnye osnovy russkoi literatury XIX veka (Orthodox foundations of nineteenth-century Russian literature). Moscow, 2011.]
- Бухаркин 1996 — *Бухаркин П. Е.* Православная Церковь и русская литература в XVIII–XIX вв. Проблемы культурного диалога. СПб., 1996. [*Bukharkin P. E.*

- Pravoslavnaia Tserkov' i russkaia literatura v XVIII—XIX veka. Problemy kul'turnogo dialoga (Orthodox Church and Russian literature in the XVIII—XIX centuries. Problems of cultural dialogue). Saint Petersburg, 1996.]
- Воропаев 2014 — *Воропаев В. А.* Николай Гоголь: опыт духовной биографии. М., 2014. [Voropaev V. A. Nikolai Gogol': opyt dukhovnoi biografii (Nikolay Gogol: experience of spiritual biography). Moscow, 2014.]
- Дунаев 1997–2000 — *Дунаев М. М.* Православие и русская литература в 6 ч. М., 1997–2000. [Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaia literatura v 6 chastiiakh (Orthodoxy and Russian literature in 6 parts). Moscow, 1997–2000.]
- Есаулов 1995 — *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. [Esaulov I. A. Kategoriiia sobornosti v russkoi literature (Category of catholicism in Russian literature). Petrozavodsk, 1995.]
- Захаров 1994 — *Захаров В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв. Петрозаводск, 1994. С. 249–261. [Zakharov V. N. Paskhal'nyi rasskaz kak zhanr russkoi literature (Easter story as a genre of Russian literature) // Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII—XX vekov (The Gospel text in Russian literature of the XVIII—XX centuries). Petrozavodsk, 1994. P. 249–261.]
- Зырянов 2014 — *Зырянов О. В.* Русская классическая словесность в этноконфессиональной перспективе. Екатеринбург, 2014. [Zyrianov O. V. Russkaia klassicheskaiia slovesnost' v etnokonfessional'noi perspective (Russian classical literature in the ethnoconfessional perspective). Ekaterinburg, 2014.]
- Котельников 1994 — *Котельников В. А.* Православие в творчестве русских писателей XIX в. СПб., 1994 (Дисс.). [Kotel'nikov V. A. Pravoslavie v tvorchestve russkikh pisatelei XIX veka (Orthodoxy in the work of Russian writers of the XIX century). Saint Petersburg, 1994 (Dissertatsiia).]
- Ничипоров 2015 — *Ничипоров И. Б.* Поэтический мир Татьяны Гримблит // Московские епархиальные ведомости. 2015. № 12. С. 160–163. [Nichiporov I. B. Poeticheskii mir Tat'iany Grimblit (The Poetic World of Tatyana Grimblit) // Moskovskie eparkhial'nye vedomosti (Moscow diocesan news). 2015. № 12. P. 160–163.]
- Ничипоров 2016 — *Ничипоров И. Б.* Проповедник и ученый: к 55-летию со дня кончины святителя Луки (Войно-Ясенецкого) // Московские епархиальные ведомости. 2016.

№ 10. С. 83–86. [*Nichiporov I. B. Propovednik i uchenyi: k 55-letiiu so dnia konchiny sviatitelia Luki (Voino-Iasenetsкого) (Preacher and scientist: to the 55th anniversary of the death of st. Luke (Voino-Yasenetsky)) // Moskovskie eparkhial'nye vedomosti (Moscow diocesan news)*. 2016. № 10. P. 83–86.]

Панченко 2000 — *Панченко А. М. О русской истории и культуре*. СПб., 2000. [*Panchenko A. M. O russkoi istorii i kul'ture (On Russian history and culture)*. Saint Petersburg, 2000.]

Юрьева 2004 — *Юрьева М. В. Поэтическое творчество Е. Ю. Кузьминой-Караваевой*. М., 2004 (Дисс.). [*Iur'eva M. V. Poeticheskoe tvorchestvo E. Ju. Kuz'minoi-Karavaevoi*. Moscow, 2004 (Dissertatsiia).]

Abstract

Burmistrova S. V. The period of persecution of the Church in the mirror of russian literature of the XX Century: Based on the lyrical works of the new martyr Tatiana Grimblit

The article analyzes the little-studied component of Russian culture — the religious and philosophical lyrical poetry of the first third of the 20th century, in particular the poetic work of the new martyr Tatiana Grimblit. The literary heritage of T. N. Grimblit comprises several dozen poems created in the 1920s and 1930s. Their conceptual content is sustained in a single Christian discourse and includes two permanent themes. One of them is connected with the depiction of the life of the soul of the lyrical heroine, the other expresses the author's reflection on the new historical epoch that came as a result of the revolutionary coup. The motives in T. Grimblit's lyrical texts are the motives for spiritual choice, the earthly path as a movement towards eternity, bearing one's cross, human opposition to an godless world, inner struggle, loneliness, etc. The author also has an important theme for literary creativity, which is interpreted as a gift from God. Prayer and poetic creativity help the heroine to preserve inner freedom in a situation of opposition to Soviet reality. The image of spiritual and social reality determines the specificity of the chronotopic system, the attribute of which becomes the principle of ambivalence. The artistic imagery in the poems of T. Grimblit goes back to the biblical context, and also reveals the influence of the folklore tradition.

Keywords: religious and philosophical lyric poetry, Orthodox axiology, the era of persecution, biblical discourse, motive, confession, lyrical heroine, world view, artistic space, ambivalence, folklore tradition, natural philosophy.